

Вопросы истории. 1990, № 5

Веб-публикация: **Vive Liberta**

Гюнтер Фоглер

ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕХОДА ОТ ФЕОДАЛИЗМА К КАПИТАЛИЗМУ

Переходный период от феодализма к капитализму — это время с конца XV до конца XVIII в., т.е., как отмечено в "Очерках по немецкой истории", "эпоха упадка феодализма, возникновения и развития мануфактурного капитализма и первых буржуазных революций"¹. Указанные основные тенденции, хотя и не охватывают в целом этой переходной эпохи, однако подчеркивают существенные линии развития, ибо "эпоха есть сумма разнообразных явлений, в коей кроме типичного есть *всегда* иное"². В связи с этим вопрос, сформулированный литературоведом В. Дитце, представляет интерес и для историка: "Так что же можно выделить из огромного клубка экономических, социальных, политических, идеологических, мифологических, религиозных, эстетических, литературно-традиционных и других моментов, дав определение, что это образует, конституирует, характеризует эпоху?"³

Если понятие "эпоха" является для нас определенной историко-материалистической категорией⁴, то об использованных здесь терминах "единство" и "многообразие" мы не можем сказать то же самое. Действительное единство эпохи, как пишет Э. Энгельберг, заключается "в борьбе относящихся к различным стадиям и ограничивающих друг друга противоречий самой истории"⁵. Эпохальное единство интересующего нас периода, утверждают В. Кюттлер и И. Миттенцвай, "определяется всемирно-исторической тенденцией к развитию и распространению капитализма и поздней фазой феодального общества, которая связана с упадком этой формации"⁶. Из этого сосуществования раннего капитализма и позднего феодализма возникают противоречия и конфронтации, а также действия, нацеленные на их преодоление. Этим определяется многообразие событий, процессов и тенденций. Множество явлений исследуемой эпохи необходимо рассмотреть с точки зрения того, как в нем находит отражение единство эпохи, т.е. как должна определяться ее основная тенденция.

Необходимость изучать при современном состоянии исследования характерные исторические процессы обуславливается различными мотивами. Если вспомнить,

¹ Grundriss der deutschen Geschichte. Von den Anfängen der Geschichte des deutschen Volkes bis zur Gestalt der entwickelten sozialistischen Gesellschaft in der Deutschen Demokratischen Republik. Klassenkampf. Tradition. Sozialismus. Berlin, 1979, S. 131.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 287.

³ Dietze W. Probleme der literarischen Periodisierung: Axiome — Fragen Hypothesen. — In: Renaissance, Barock, Aufklärung. Epochen- und Periodisierungsfragen. Berlin, 1976, S. 44.

⁴ См.: Engelberg E. Theorie, Empirie und Methode in der Geschichtswissenschaft. Gesammelte Aufsätze. Berlin, 1980, S. 135 ff.

⁵ Engelberg E. Theoretisch-methodologische Prinzipien der Periodisierung. — In: Renaissance, Barock, Aufklärung, S. 32.

⁶ Küttler W., Mittenzwei I. Die deutsche Geschichte und der historische Fortschritt im 17. und 18. Jahrhundert. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (далее — Zfg), 1982, H. 7, S. 627.

какие темы в исторической науке ГДР за последнюю четверть века были предметом эмпирического исследования и теоретического рассмотрения (в отдельных случаях совместно с другими общественно-научными дисциплинами) и становились основанием для определения позиций⁷, то следует указать на работы о немецкой раннебуржуазной революции⁸, о генезисе капитализма и рефеодализации⁹, об историческом месте бюргерства и об изменениях его структуры¹⁰, о фазах развития территориального государства и типологии абсолютизма¹¹, о прогрессивных возможностях народных масс и господствующих классов¹², об истории повседневной жизни¹³, периодизации этой эпохи и по некоторым другим важным темам¹⁴.

Исследования и размышления о характере этой эпохи по-прежнему не являются каким-то праздным занятием, о чем свидетельствует вновь начатая публикациями Ю. Кучинского дискуссия о содержании периода от XVI и до XVIII в.¹⁵ Основой для исследования в марксистско-ленинской исторической науке является теория формаций.

Социально-экономическая формация дает "объективную систему соотносительных понятий для включения и классификации различных сложных частных сфер общества во взаимосвязи их структуры и развития"¹⁶. В данном случае мы конкретно имеем дело с существованием феодализма как социально-экономической формации в ее последней стадии и со становлением элементов капитализма, являющихся и основой, и общим условием для развития политики, идеологии и культуры. Хотя мы и располагаем разработанным инструментарием по теории формаций и устоявшимися оценками существенных черт феодализма и капитализма¹⁷, однако еще не имеем аналогичным образом полученных теоретических выводов по проблематике переходных эпох. "Сосуществование противоположных общественных систем" и их взаимное воздействие друг на друга¹⁸ порождает це-

⁷ Grundriss der deutschen Geschichte, S. 129.

⁸ См. Hroch M. Buržoazní revoluce v Evropě. Praha, 1981; Revolutionen der Neuzeit 1500–1917. Berlin, 1982.

⁹ См.: Handbuch Wirtschaftsgeschichte. Berlin, 1981, S. 493; Heitz G. Charakter und Verlauf der Reфеодализierung in deutschen Territorien (Ms.).

¹⁰ Küttler W. Stadt und Bürgertum im Feudalismus. Zu theoretischen Problemen der Stadtgeschichtsforschung in der DDR. — Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus, Bd. 4, 1980; Müller-Mertens E. Bürgerlichstädtische Autonomie in der Feudalgesellschaft. Begriff und geschichtliche Bedeutung. — ZfG, 1981, H. 3; Engel E. Mittelalterliches Städtebürgertum und Zunftwesen in der Auffassung von Karl Marx. — In: Das geschichtswissenschaftliche Erbe von Karl Marx. Berlin, 1983.

¹¹ Czok K. Charakter und Entwicklung des feudalen deutschen Territorialstaates. — ZfG, 1973, H. 8; Vogler G. Bürgertum und Staatsgewalt in der Epoche des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus. Zum Verhältnis von Ständen und absolutistischer Herrschaftsform in Staaten des hansischen Raumes. — Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus, Bd. 1, 1977; Langer H. Fragen der Absolutismus-Forschung. — Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus, Bd. 3, 1979.

¹² Heitz G. Volksmassen und Fortschritt in der Epoche des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus. — ZfG, 1977, H. 10; Langer H. Fortschrittspotenzen in den gesellschaftlichen Wandlungen der Übergangsepoche vom Feudalismus zum Kapitalismus. — ZfG, 1982, H. 10/11.

¹³ Kuczynski J. Geschichte des Alltags des deutschen Volkes, Bd. 1–2. Berlin, 1980–1981.

¹⁴ Historische Forschungen in der DDR. Analysen und Berichte. Zum XI. Internationalen Historikerkongress in Stockholm August 1960. Berlin, 1960; Steinmetz M. Forschungen zur Geschichte der Reformation und des deutschen Bauernkrieges. — In: Historische Forschungen in der DDR 1960–1970. Analysen und Berichte. Zum XIII. Internationalen Historikerkongress in Moskau 1970. Berlin, 1970; Historische Forschungen in der DDR 1970–1980. Analysen und Berichte. Zum XV. Internationalen Historikerkongress in Bukarest 1980. Berlin, 1980.

¹⁵ Heitz G. Der Alltag des deutschen Volkes im 17. Jahrhundert. — ZfG, 1981, H. 6; Küttler W., Mittenzweil I. Op.cit., H. 12; Vetter K. Der Alltag des deutschen Volkes im 17. und 18. Jahrhundert. — Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte, 1982, Bd. II.

¹⁶ Engelberg E. Zu methodologischen Problemen der Periodisierung. — ZfG, 1971, H. 10, S. 1224.

¹⁷ Formationstheorie und Geschichte. Studien zur historischen Untersuchung von Gesellschaftsformationen im Werk von Marx, Engels und Lenin. Berlin, 1978.

¹⁸ Küttler W. Theoriegeschichtliche und methodologische Probleme historischer Formationsanalyse. — In: Formationstheorie und Geschichte, S. 733.

лый клубок вопросов. Интенсивность исследований по сравнительной истории революций¹⁹ должна служить поводом для того, чтобы помимо этого комплекса проблем подвергались усиленной теоретической разработке и другие феномены эпохи, дабы обогатить теорию формаций новыми научными выводами о специфике переходных эпох. В. Кюттлер обратил внимание на то, что теория формаций должна реализовываться в истории формаций²⁰. Однако эта формула требует и обратного истолкования, ибо применительно к переходной эпохе от феодализма к капитализму конкретно-историческое исследование, ориентирующееся на теоретические предпосылки, должно, в свою очередь, вести к обогащению теории.

Методологически многообещающими представляются положения, высказанные К. Марксом в письме к П.В. Анненкову от 28 декабря 1846 г.: "Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей. Свободны ли люди в выборе той или иной общественной формы? Отнюдь нет. Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена [commerce] и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, — словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества"²¹.

Производство, обмен и потребление, далее семья, сословия, или классы, и, наконец, политическая организация общества — вот единство трех компонентов, которое мы можем применить к интересующей нас переходной эпохе.

Об экономической ситуации и тенденциях хозяйственного развития в эту эпоху мы в целом хорошо информированы²²: знаем хозяйственный профиль отдельных городов и территорий, понимаем роль различных отраслей ремесла, ремесленных ландшафтов, рыночных отношений и торговых связей, четко представляем себе взаимосвязь между городом и деревней, тенденции аграрного производства, формы хозяйствования, владельцев капитала, рабочую силу и многое другое. В качестве существенного признака выявляется то, что, наряду с формами простого товарного производства в городе и деревне, выступали капиталистические производственные отношения как качественно новый вид экономических и социальных связей и впервые в больших масштабах наметилось противоречие: феодализм — капитализм. Во всем этом находит отражение то, как протекал в основных своих чертах процесс первоначального накопления капитала²³.

Тем не менее наши знания как многих деталей, так и некоторых взаимоотношений и взаимосвязей все еще остаются фрагментарными. Поэтому снова и снова разгораются дискуссии об исторической значимости раннего капитализма и о влиянии еще существовавшего тогда феодального способа производства, о континуитете и дисконтинуитете, об обратимости и необратимости, о важности количественных и качественных факторов. Поскольку интерес к анализу социально-

¹⁹ Kossok M., Markow W. Zur Methodologie der vergleichenden Revolutionsgeschichte der Neuzeit. — In: Studien zur vergleichenden Revolutionsgeschichte 1500–1917. Berlin, 1974; Kossok M. Vergleichende Revolutionsgeschichte der Neuzeit. Forschungsprobleme und Kontroversen. — ZfG, 1978, H. 1.

²⁰ Küttler W. Zur Frage der methodologischen Kriterien historischen Formationsbestimmung. — ZfG, 1974, H. 10, S. 1040.

²¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 402.

²² Mottek H. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. Ein Grundriss, Bd. 1, Berlin, 1974; Wallerstein I. The Modern World System. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century. New York, 1974; Europäische Wirtschaftsgeschichte, Bd. 2. Stuttgart–New York, 1979.

²³ Laube A. Die ursprüngliche Akkumulation des Kapitals. Problemstellung und vergleichende Sicht. — Hansische Studien, Bd. V. Weimar, 1981.

экономических процессов в большей мере был сосредоточен на XVI столетии, чем на последующем времени, особое значение приобретают исследования, устраняющие расхождения во мнениях, охватывающие единым взглядом всю переходную эпоху.

Так как ныне обобщающие ответы по этой проблеме, очевидно, могут быть даны лишь с известными оговорками, по-прежнему нуждаются в исследовании все явления, вытекающие из столкновения феодальных структур и интересов, с одной стороны, и капиталистических отношений и перспектив со всеми их последствиями, с другой. Внимания прежде всего заслуживают два вопроса: во-первых, о различных путях и формах перехода от феодальных к капиталистическим отношениям и, во-вторых, о кризисном обострении противоречий и их решении, будь то под знаком становления капитализма, конституирования и упрочения элементов буржуазно-капиталистического строя или — в качестве господствующей тенденции — в результате восстановления равновесия в рамках старого, хотя и модифицированного общества. Возможное в этих рамках многообразие явлений сводится в основном к параллельному наличию, сосуществованию и противостоянию позднего феодализма и раннего капитализма как признаку, определяющему эпоху, существенным образом влияющему на классовую борьбу различных социальных сил, находящихся в разных соотношениях.

Для К. Маркса общественный строй проявлялся в структуре семьи, сословий, или классов. Ссылка на семью подводит нас к теме истории повседневности, привлекающей в настоящее время к себе большое внимание. Это побуждает поставить вопрос, в какой мере характер эпохи, присущие ей проблемы и конфликты выводятся из обыденных событий. Во всяком случае, упор следует сделать на то, что немецкая история позднего средневековья и раннего нового времени не может быть правильно понята, "если не оценивать подданного, простого человека как субъект истории"²⁴. А это можно сделать, лишь обратившись к повседневности. По К. Марксу, "общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это или нет"²⁵. Это развитие в значительной мере определяется трудом и процессом труда.

Для подавляющего большинства населения повседневность тождественна труду. "Процесс труда ... есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам"²⁶. Однако как труд, так и процесс труда подвержены историческим изменениям.

Труд традиционно протекает в основной ячейке — "дома в целом"²⁷. Семья-домохозяйство или семья-производитель была важнейшей хозяйственной единицей. Она должна была функционировать, чтобы обеспечивалось существование и тем самым общественное воспроизводство²⁸. Эта семья, "которая обладает, подобно товарному производству, своим собственным, естественно выросшим разделением труда"²⁹, является главным условием процесса воспроизводства. Основные потребности в продовольствии, одежде и жилье удовлетворяются прежде все-

²⁴ *Blickle P.* Deutsche Untertanen. Ein Widerspruch. München, 1981, S. 142.

²⁵ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 402–403.

²⁶ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 195.

²⁷ *Brunner O.* Das "ganze Haus" und die alteuropäische "Ökonomik". — In: *Brunner O.* Neue Wege der Verfassungs- und Sozialgeschichte. Göttingen, 1968.

²⁸ *Mitterauer M.* Grundtypen alteuropäischer Sozialformen. Haus und Gemeinde in vorindustriellen Gesellschaften. Stuttgart — Bad Cannstatt, 1979; *Mitterauer M., Sieder R.* Vom Patriarchat zur Partnerschaft Zum Strukturwandel der Familie. München, 1980.

²⁹ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 88.

крестьяне — все скопом”³⁶. Это, очевидно, было результатом осмысления социального опыта.

Если смотреть с точки зрения дворянства как благородного сословия, то судьба князей, графов, баронов и рыцарей в значительной мере определяется консолидацией территориальных государств и ограничениями, которым подвергалась вследствие этого большая часть данного сословия³⁷. Если дворянским фракциям удавалось к этому приспособиться, то положение их как сословия сохранялось. Однако по мере складывания абсолютистских форм власти участие дворянства в политических делах, обеспечивавшееся ему в рамках сословного представительства, в целом ряде территориальных государств оказалось под угрозой, а в некоторых случаях и сокращалось³⁸. К. Хинрихс охарактеризовал княжеский двор как средство для того, “чтобы исключенную из политической жизни аристократию сделать служительницей культа правителя и держать ее в подчинении”³⁹. Это, пожалуй, еще не стало общим правилом, однако уже проявилось в качестве тенденции, предвещавшей изменения в сословной структуре.

Еще более серьезные перемены претерпело в результате Реформации сословие духовенства. Оно лишилось экономической и политической опоры в результате потери источников дохода, отмененных Реформацией, вследствие секуляризации духовных имений и утраты на ряде территорий статуса земского сословия. На территориях, где была проведена Реформация, произошла существенная перегруппировка отношений собственности. Здесь, как показывает развитие событий до Тридцатилетней войны, духовенство уже не могло более рассчитывать на неприкосновенность своей собственности.

На первый взгляд может показаться, что крестьянство осталось в прежнем положении, тем более что новые порядки, достижение которых ставила своей целью Крестьянская война, не были установлены. Во время восстаний была принята — в качестве одной из целей — в региональных масштабах попытка повысить сословный статус крестьян при одновременном упразднении привилегий духовенства и дворянства⁴⁰. Однако крестьяне не сумели добиться требуемого положения и влияния в качестве политического сословия в империи. Господствующими остались отношения феодальной зависимости и эксплуатации. Правда, не следует упускать из виду, что впоследствии постепенно происходили перемены и в положении крестьян: социальная дифференциация и расслоение этого класса в результате экономических и социальных изменений, ухудшение социального положения большей части сельских производителей в результате второго издания крепостничества, формирование аграрного дуализма вотчинного и поместного землевладения⁴¹, а также проявление крестьянского сопротивления в многочисленных формах⁴².

³⁶ Luther M. Werke, Bd. 41. Weimar, 1910, S. 741.

³⁷ Press V. Adel im Reich um 1600 — Spezialforschung und Gesamtgeschichte. Beispiele und Methodenfragen zur Geschichte der frühen Neuzeit. München, 1982.

³⁸ Ständetum und Staatsbildung in Brandenburg-Preussen. Hrsg. P. Baumgart. Berlin — New York, 1983.

³⁹ Hinrichs C. Staat und Gesellschaft im Barockzeitalter. — In: Hinrichs C. Preussen als historisches Problem. Gesammelte Abhandlungen. Berlin, 1964. S. 215.

⁴⁰ Blickle P. Die Revolution von 1525. München — Wien, 1981; Vogler G. “Damit kein Unterschied der Menschen sei”. Gesellschaftliche Ungleichheit und die Idee der Gleichheit im deutschen Bauernkrieg. — In: “Vor Gott sing alle gleich”. Soziale Gleichheit, soziale Ungleichheit und die Religionen. Düsseldorf, 1983.

⁴¹ Heitz G. Agrarischer Dualismus, Eigentumsverhältnisse, Preussischer Weg. — In: Studia Historica in Honorem Hans Kruus. Tallinn, 1971; Harnisch H. Die Gutsherrschaft in Brandenburg. Ergebnisse und Probleme. — Jahrbuch Wirtschafts geschichte, Bd. IV, 1969.

⁴² Schulze W. Bäuerlicher Widerstand und feudale Herrschaft in der frühen Neuzeit. Stuttgart — Bad Cannstatt, 1980.

Начавшееся в процессе раннекапиталистического развития изменение социальной структуры замедлилось, но все же продолжалось, находя свое выражение в образовании буржуазных элементов и возрастании численности наемных рабочих, в переменах экономического и социального положения отдельных групп дворянства, в формировании чиновничества и буржуазной интеллигенции⁴³. Мобильность сохранилась, и различные факторы, например, изменения в производственных отношениях, демографическая динамика и миграционные процессы более или менее устойчиво воздействовали на развитие классов.

Хотя сословные структуры показали свою жизнеспособность и по-прежнему определяли внешние формы общества, мы более уже не видим традиционного сословного строя. Скорее всего (в результате и в качестве прямого следствия столкновения противоречий, возникавших из конфронтации: феодализм — капитализм), его следует рассматривать в процессе преобразования, проявившемся в революционных и эволюционных изменениях, однако нет возможности более точно выявить масштабы этой трансформации.

Данное обстоятельство осложняется тенденциями развития общественного сознания. Хотя в рассматриваемую эпоху религиозные нормы принципиально сохраняли свое значение, однако они же давали импульс к альтернативным формам мысли. Программа немецкой раннебуржуазной революции и особенно ее высшая точка, которой явилась Крестьянская война в Германии⁴⁴, дали путеводную нить последующим социальным движениям. В течение длительного периода переходной эпохи от феодализма к капитализму в империи более не возникало комплексных концепций подобного рода. Требования региональных крестьянских движений и городских восстаний до конца XVIII в. оставались значительно ниже уровня, достигнутого в ходе немецкой раннебуржуазной революции⁴⁵.

Для духовной жизни в эту эпоху в целом имели определяющее значение переход от теоцентрического к антропоцентрическому представлению о мире и освобождение индивида от сословных пут⁴⁶. От Себастьяна Франка до радикального Просвещения, от Якоба Бёме до Карла Фридриха Бардта простирается спектр критических голосов⁴⁷. Правда, эта критика общества не имела своим следствием выработку позитивной идеологической концепции, за исключением, может быть, утопий⁴⁸. Она достигает кульминации в критике отдельных сфер общества, отдельных сословий, но прежде всего — идеологических основ этого общества с его религиозным оправданием.

⁴³ *Schulz H.* Zur Rolle der Volksmassen in den deutschen Territorien im Spätfudalismus. — *ZfG*, 1981, H. 5; *Volksleben zwischen Zunft und Fabrik. Studien zu Kultur und Lebensweise werktätiger Klassen und Schichten während des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus.* Berlin, 1982.

⁴⁴ *Vogler G.* Tendenzen der sozialen und politischen Programmatik im deutschen Bauernkrieg. Ein Vergleich mit Gaismairs Tiroler Landesordnung. — In: *Die Bauernkriege und Michael Gaismair.* Innsbruck, 1982.

⁴⁵ *Heitz G., Vogler G.* Bauernbewegungen in Europa vom 16. bis zum 18. Jahrhundert. — *ZfG*, 1980, H. 5; *Schulze V.* Op.cit.; *Blickle P. u.a.* Aufruhr und Empörung? Studien zum bauerlichen Widerstand im Alten Reich. München, 1980; *Aufstände, Revolten, Prozesse. Beiträge zu bauerlichen Widerstandsbewegungen im frühneuzeitlichen Europa.* Stuttgart, 1983.

⁴⁶ *Renaissance, Barock, Aufklärung*, S. 20.

⁴⁷ *Wollgast S.* Der deutsche Pantheismus im 16. Jahrhundert. Sebastian Franck und seine Wirkungen auf die Entwicklung der pantheistischen Philosophie in Deutschland. Berlin, 1972; *Lemper E.H.* Jakob Böhme. Leben und Werk. Berlin, 1976; *Mühlpfordt G.* Bahrds Weg zum revolutionären Demokratismus. Das Werden seiner Lehre vom Staat des Volkswohls. — *ZfG*, 1981, H. 11; *idem.* Ein radikaler Geheimbund vor der Französischen Revolution. Die "Union" K.F. Bahrds. — *Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus*, Bd. 5, 1981.

⁴⁸ *Markow W.* Die Utopia des Citoyen. — In: *Festschrift Ernst Bloch zum 70. Geburtstag.* Berlin, 1955; *Vogler G.* Von Eberlin zu Stiblinus. Utopisches Denken zwischen 1521 und 1555. — In: *Reform, Reformation, Revolution.* Leipzig, 1980; *Krauss W.* Überblick über die französischen Utopien von Cyrano de Bergerac bis zu Etienne Cabet. — In: *Krauss W.* Die Innenseite der Weltgeschichte. Ausgewählte Essays über Sprache und Literatur. Leipzig, 1983.

Различные идейные течения занимались пропагандой норм, которые, по мнению Х. Лутца, имеют две характерные особенности: "Во-первых, они претендуют на универсальную значимость во всей Европе, невзирая на региональные или социальные границы; во-вторых, они содействуют изменению современного состояния — макронормы как программы для иного, лучшего будущего... Своеобразием европейского нового времени является то, что нормы и системы норм действуют не только общим образом, в виде статического соотношения должного и сущего. Они скорее действуют как движущие моменты, независимо от того, было такое намерение или нет"⁴⁹.

Неизменной среди этих "движущих моментов" в течение всех трех столетий переходной эпохи, очевидно, оставалась критика сословий. Яркое выражение эта идея получила на гравюре 1506 г., где изображены крестьянин у алтаря и священник за плугом⁵⁰. Правда, эта мысль получила выражение не только в представленном здесь антиклерикализме⁵¹. Антииерархические настроения находят отражение и в критике сословного неравенства, и в требовании его устранения. В требовании предоставить бюргеру и крестьянину место в обществе, соответствующее их значимости, критика сословий приобретает ярко выраженные антидворянские черты. Утопии продвинули эгалитаризм еще дальше, придав ему углубленное обоснование; позднее он сбросил свое утопическое облачение в просветительских представлениях об обществе, которые отвергали социальный статус, основанный на привилегиях, и объявляли нормой положение, приобретенное трудом. Карл Фридрих Бардт следующим образом выразил эту мысль: "Бюргерское сословие в известном смысле — самое важное в государстве, наряду с сословием крестьян, ибо они являются собственно производительной частью нации. Другие сословия тоже приобретают, но для себя. Бюргер же и крестьянин приобретают для государства. Бюргер и крестьянин представляют два достойных уважения народных класса, в которых только и заключаются источники богатства и могущества нации"⁵².

Правда, в социальных представлениях этой эпохи изменилась мотивировка: "Не иррациональный злой рок, а исторически объяснимые перемены, резкие переходы от эволюционного реформизма к крайним теологическим притязаниям и затем снова к мирскому стремлению к успеху и счастью определяли путь европейского общества в капиталистически промышленную эру, формирующуюся теперь так, а не иначе"⁵³. Наиболее действенным фактором, несомненно, являлась в течение длительного времени христианская религия, хотя она и утратила свое бывшее значение⁵⁴.

Общественная мысль развивается на фоне и под влиянием постоянно меняющихся соотношений социальных и политических сил, определявшихся, прежде всего, европейскими революциями и их результатами, которые по-разному влияли

⁴⁹ Lutz H. Politik, Kultur und Religion im Werdeprozess der frühen Neuzeit. Aufsätze und Vorträge. Klagenfurt, 1982, S. 280.

⁵⁰ Речь идет об иллюстрации к книге: Grunbecks J. Speculum naturalis, coelestis et propheticae visionis. Nurnberg, 1508. Надпись к гравюре гласит: "Первая глава о перемене всех сословий христианства, предвешаемой видимыми небесными знаками". См. Epperlein S. Der Bauer im Bild des Mittelalters. Leipzig — Jena — Berlin, 1975, S. 141.

⁵¹ См.: Cohn H. Anticlericalism in the German Peasants' War 1525. — Past and Present, N 83, 1979; Goertz H.-J. Aufstand gegen den Priester. Antiklerikalismus und reformatorische Bewegungen. — In: Bauer, Reich und Reformation. Festschrift für Günther Franz zum 80. Geburtstag. Stuttgart, 1982.

⁵² Bahrdt C.F. Handbuch der Moral für den Bürgerstand. Halle, 1789, S. 10.

⁵³ Lutz H. Op.cit., S. 287.

⁵⁴ Vogler G. Religion, Confession and Peasant Resistance in the Sixteenth to Eighteenth Centuries. — In: Religion and Rural Revolt. Manchester, 1984.

в конкретных случаях на развитие Германии⁵⁵. Лишь Великая французская революция окончательно проложила путь к пониманию того, что необходима принципиальная перестройка общественных отношений и политического строя.

Это произошло в тот момент, когда не только мануфактурно-капиталистическое развитие достигло более зрелой стадии, классовая борьба приобрела более широкий размах и остроту, а критика общества стала более радикальной, но и начались споры по вопросу о национальных перспективах, которые представлялись по-разному⁵⁶. С одной стороны, эта проблема была не новой, поскольку формирование раннего капитализма породило объективную необходимость конституирования буржуазной нации, но вместе с тем появился и элемент новизны, так как данная проблема находила отражение главным образом в субъективном понимании. Предложения о реформах прежде касались не буржуазной нации, а империи, будь то идеи реформационного движения XV и XVI вв., интерпретации Имперской конституции XVII в. или аргументации за и против гегемонистских притязаний Пруссии и Австрии в XVIII в.

Политическое устройство и в переходный период от феодализма к капитализму было представлено в форме империи⁵⁷. Несмотря на всю свою дряхлость, слабость, выхолощенность и урезанность своих функций, империя продолжала существовать, и ее по различным причинам продолжали уважать. На императора и империю в конфликтных ситуациях возлагали свои надежды не только правители⁵⁸, но также города, сословия и деревенские общины⁵⁹. Применялись разработанные юридические средства для урегулирования или сглаживания конфликтов, но на непродолжительное время.

Однако характеристика политического устройства не исчерпывается ссылкой на империю. Хотя она и оставалась фактором политической организации, на передний план выдвигались территориальные государства. Их консолидация и формирование осуществлялись в процессе более или менее ярко выраженного укрепления власти, которая при наличии определенных обстоятельств переходила в стадию абсолютизма⁶⁰. Многие аспекты европейского и немецкого общества за последние годы были пересмотрены заново. Тем не менее интересы династий и порядок престолонаследования по-прежнему занимали важное место⁶¹, а центр тяжести приходился на проблемы государственной консолидации. Многообразие типов территориальных государств в империи находит свое отражение не только в исполнении власти светскими или духовными правителями, но прежде всего в различной степени развитости абсолютизма: были территориальные государства с абсолютистской формой правления и без таковой, иногда попытки установить абсолю-

⁵⁵ *Streisand J.* Die niederländische Revolution im Geschichtsbild der deutschen Klassik. — ZfG, 1975, H. 3; *Schilfert G.* Zur Geschichte der Auswirkungen der Niederländischen Revolution auf deutsche Territorien. — ZfG, 1975, H. 1; *idem.* Neue Beiträge zur Geschichte der Auswirkungen der englischen bürgerlichen Revolution auf Nordwestdeutschland. — In: Beiträge zu Archivwissenschaft und Geschichtsforschung. Weimar, 1977; *idem.* Zeitgenössische deutsche Historiker über die amerikanische bürgerliche Revolution. — ZfG, 1979, H. 8.

⁵⁶ *Streisand J.* Geschichtliches Denken von der deutschen Frühaufklärung bis zur Klassik. Berlin, 1964, S. 58.

⁵⁷ *Press V.* Das römisch-deutsche Reich — ein politisches System in verfassungs- und sozialgeschichtlicher Fragestellung. — In: Spezialforschung und Gesamtgeschichte.

⁵⁸ *Hughes M.* The Imperial Aulic Council ("Reichshofrat") as Guardian of the Rights of Mediate Estates in the Later Holy Roman Empire: Some Suggestions for Further Research. — In: Herrschaftsverträge, Wahlkapitulationen, Fundamentalgesetze. Göttingen, 1977.

⁵⁹ *Schulze V.* Op.cit., S. 76.

⁶⁰ *Oestreich G.* Geist und Gestalt des frühmodernen Staates. Berlin, 1969; *idem.* Strukturprobleme der frühen Neuzeit. Ausgewählte Aufsätze. Berlin, 1980; *Anderson P.* Die Entstehung des absolutistischen Staates. Frankfurt a.M., 1979.

⁶¹ *Kunisch J.* Staatsverfassung und Mächtepolitik. Zur Genese von Staatskonflikten in Zeitalter des Absolutismus. Berlin (West), 1979; *Weber H.* Die Bedeutung der Dynastien für die europäische Politik in der frühen Neuzeit. — Zeitschrift für die bayerische Landesgeschichte, J-g. 44, 1981.

тистское правление терпели крах. Территориальные государства вследствие этого обладали различным экономическим потенциалом, сильной или слабой армией, значительным или ограниченным политическим влиянием и широкими культурными притязаниями.

Это многообразие к тому же еще осложнялось другими важными факторами, например, возраставшим дуализмом между империей и территориальными государствами, между двумя христианскими вероисповеданиями, между вотчинным и поместным землевладением, между Пруссией и Австрией. Присущая абсолютизму тенденция к экспансии привела к тому, что война в данную эпоху стала постоянным явлением, а это имело своим следствием то, что германские государства с оружием выступали друг против друга.

Таким образом, возникала напряженность, обусловленная различными социальными, политическими, конфессиональными и идеологическими интересами, так что империя в европейских делах вынуждена была маневрировать в обороне, тогда как ее территориально-государственные представители были чрезвычайно активны. Более интенсивное "огосударствление" не вело к упрощению политических структур. Политический строй этой переходной эпохи был сложным образованием с накладывавшимися друг на друга и перекрещивавшимися интересами. Политическое многообразие вследствие этого означало и политическую узость, мешавшую формированию политического центра, эффективной централизации, ускорению образования нации.

Эти заметки о проблемах и перспективах исследования не претендуют на исчерпывающую разработку темы. Однако они показывают, в какой мере эпоха перехода от феодализма к капитализму обнаруживает как значительную инерцию, так и замечательную динамику, которая, правда, в течение столетий действует не без спадов. Хотя переход от феодализма к капитализму и начался, однако он не мог завершиться в короткое время. Так, общественный прогресс ярче всего проявился в буржуазных революциях, в "творческом акте классового общества вообще"⁶², но вместе с тем и в многочисленных эволюционных и революционных шагах. Эпоха перехода от феодализма к капитализму выступает в многообразии явлений, единство которых в конечном счете находит выражение в диалектическом противоречии: феодализм — капитализм.

Важно наши усилия впредь направлять на еще более углубленное и целенаправленное изучение многообразия факторов, элементов, связующих отдельные явления, на исследование наиболее показательного в этом многообразии, доминант в разнородных процессах. Наши усилия стоит сконцентрировать на том, чтобы не модернизировать не поддающиеся такому подходу феномены, но вместе с тем и не упускать из виду, что речь идет о взаимосвязях структур и динамики, позволяющих понять сущность эпохи.

⁶² Markov W. Weltgeschichte im Revolutionsquadrat. Berlin, 1979, S. 2.